

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ АПРѢЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе, II. М. Драгоманова. — 2) Уничтоженіе Ново-Александрійскаго института. — 3) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VII. З. С. — 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». V. Письмо А. И. Герцена къ Ю. О. Самарину. VI. Письмо Ю. О. Самарина къ А. И. Герцену. — 5) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, X. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе), Н. Жебунева. — 6) Новѣйшіе подходы къ соціальному вопросу, III. Крестьянское движеніе въ Германіи, Аггус. — 7) Земская Хроника, III. Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ, О. В. — 8) Извѣстія и замѣтки: Евангеліе и кабатчики въ Кіевѣ. — Изъ Петерб. полиг. процесса. — Поправки газетныхъ извѣстій. — Польско-украинское воззваніе къ избирателямъ въ Галиціи. — «Подпольная Россія».

ЖЕНЕВА, 15 апрѣля 1883 г.

Обращаясь къ разсмотрѣнію явленій такъ называемаго динамитно-анархической эпидеміи въ южной Франціи, мы должны прежде всего постараться разсѣять хоть нѣсколько туманъ относительно слова — анархія, существующій въ массѣ публики, столько же благодаря реакціоннымъ истолкователямъ новѣйшаго социалистическаго движенія, сколько и нѣкоторымъ изъ теперешнихъ соціальныхъ революціонеровъ, присвоившимъ себѣ имя анархистовъ. Реакціонеры, напр., называютъ безразлично всѣхъ социалистовъ анархистами, въ томъ числѣ, напр., и государственнаго коммуниста Гэда, журналъ котораго, *Egalité*, какъ напомнили мы въ 54 №, самъ приравнивалъ анархистовъ къ буржуазіи, обѣщая, въ моментъ революціи, принудить ихъ къ молчанію, — такъ же, какъ и буржуазію. По словамъ реакціонныхъ журналовъ, какъ русскихъ такъ и заграничныхъ, выходитъ, что и русскіе „террористы-народновольцы“, — сторонники политической централизаціи, — тоже анархисты. Съ другой стороны, нѣкоторые сторонники приложенія динамитнаго террора въ соціальной борьбѣ въ западной Европѣ, видя, что эти русскіе народновольцы употребляютъ динамитъ и политическія убійства для своихъ цѣлей, тоже провозглашаютъ ихъ своими единомышленниками, анархистами. Въмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые западные анархисты-динамитчики выводятъ свою родословную отъ Прудона. Между тѣмъ Прудонovo ученіе объ анархіи не имѣетъ ничего общаго ни съ русскимъ народновольствомъ, ни съ тѣмъ ученіемъ социалистическаго терроризма,

которое нѣкоторые публицисты и ораторы пробовали излагать и на французскомъ языкѣ. Со старымъ французскимъ политическимъ „народновольствомъ“, или якобинствомъ, Прудонъ боролся изъ всѣхъ силъ всю свою жизнь, — да и новѣйшій социалистическій терроризмъ, принимаемый многими за анархизмъ, опять таки гораздо ближе не къ Прудону, а къ той помѣси якобинства съ социализмомъ, которая представлялась въ свое время Бланки и которая, далекая отъ ученія объ ан-архіи или без-власти, потому только постоянно проповѣдывала нападенія на существующія власти, что сама желала захватить власть въ свои руки.

Прудонovo ученіе объ ан-архіи, — въ отличіе отъ монархіи, пан-архіи, или коммунизма, и демократіи (унитарной), — высказанное бѣгло еще въ 1840 г. въ мемуарѣ „Qu'est-ce que la propriété?“, обстоятельно изложено имъ въ книгѣ „Du principe fédératif“. Здѣсь Прудонъ переводилъ слово ан-архія словомъ *self-government*, самоуправленіе. Практическое осуществленіе этого самоуправления, — примиреніе началъ авторитета и свободы, — Прудонъ видѣлъ (при личной свободѣ) въ федерации коммунъ, кантоновъ и провинцій, весьма подходящей къ швейцарскому политическому строю, — основы котораго, федеральный договоръ 1848 г., Прудонъ часто цитируетъ для поясненія своихъ идей. — Какъ социалистъ, Прудонъ только дополняетъ чисто-политическое швейцарское самоуправленіе планами федерации экономической, земледѣльческо-промышленной. Какъ теоретическій противникъ коммунизма съ его „нераздѣльностью власти, какъ и въ монархіи“, и какъ практическій человѣкъ и французъ, т. е. сынъ страны, въ которой большинство рабочаго населенія — крестьяне-собственники, Прудонъ представлялъ себѣ экономическія федерации въ видѣ организаціи взаимнаго обезпеченія, — кредита, страхованія, порученія исполненія подрядовъ на общественныя нужды союзамъ рабочихъ и т. д. Этотъ *mutuelisme* и *garantisme politico-économique* Прудонъ считалъ осуществимымъ только въ политической федерации и высшимъ выраженіемъ федерализма. Понимая слово революція въ широкомъ смыслѣ прогрессивнаго движенія (собственно эво-

люція), Прудонъ вовсе не настаивалъ непременно на насильственномъ разрушеніи теперешнихъ государствъ и теперешняго экономического порядка — и говорилъ, въ концѣ первой части названной книги, слѣдующее: „всѣ мои экономическія идеи могутъ резюмироваться въ трехъ словахъ: федерация земледѣльческо-промышленная. Всѣ мои идеи политическія сводятся къ подобной же формулѣ: федерация политическая или децентрализація. И такъ какъ я не дѣлаю изъ моихъ идей орудія партіи, ни средства для удовлетворенія личнаго самолюбія, то всѣ мои надежды отъ настоящаго и будущаго выражаются въ третьемъ терминѣ, соответствующемъ первымъ двумъ: федерация прогрессивная“ *).

Идеи Прудона подхвачены были между прочимъ и Бакунинымъ, который съ большимъ талантомъ развивалъ ихъ, — особенно отрицательную ихъ часть (критику большихъ централизованныхъ государствъ), — и прикладывалъ ихъ къ дѣламъ странъ, — которыхъ мало касался Прудонъ, — германскихъ и славянскихъ (см. между прочимъ многія мѣста въ книгѣ на русскомъ языкѣ „Государственность и Анархія“). Но Бакунинъ присоединилъ къ ученію Прудона множество такихъ вещей, которыя самому Прудону показались бы дикими и которыя таки и были дикими, въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. варварскими. На бѣду, съ Бакунинымъ судьба сыграла странную игру: потому ли, что

*) Да собственно понятіе объ ан-архіи, какъ о без-власти, и исключаетъ принципиальный культъ революціи, какъ насильственнаго переворота, такъ какъ послѣдній неизбежно предполагаетъ захватъ и сохраненіе власти известнымъ меньшинствомъ (пускай, и передовымъ); большинство же въ насиліи не нуждается, а просто устраняется, какъ хочетъ; осуществленіе же и сохраненіе социалистическаго идеала не мыслимы безъ проникновенія имъ большинства, — почему собственно социалистъ и не можетъ имѣть культа революціи, который имѣли старые государственныя дѣятели, и въ этомъ отношеніи онъ неизбежно является ан-архистомъ. Такимъ образомъ ученіе объ анархіи въ политикѣ отвѣчаетъ ученію объ эволюціи въ естествознаніи и социологіи, какъ ученіе о монархіи отвѣчало религіозному единобожію (съ чудесами въ природѣ), а ученіе о революціи — философскому деизму (съ катаклизмами въ природѣ). Само собою, что теорія эволюціонная не исключаетъ въ крайнихъ случаяхъ возстанія противъ прямаго насилія, которое проявляется преимущественно въ области политики со стороны государственной власти.

онъ былъ болѣе ораторъ, чѣмъ писатель, или по чему другому, но къ его послѣдователямъ прививались не столько его основы, сколько ихъ гарнитура, не столько идеи, сколько восклицанія, а потому больше слабости, чѣмъ здоровыя стороны его проповѣди *). Большую же часть слабостей и дикостей, привнесенныхъ Бакунинымъ въ Прудово учение и привитыхъ имъ, какъ зараза, даже къ нѣкоторымъ социально-политическимъ кругамъ З. Европы, талантливый агитаторъ вынесъ именно изъ Россіи, какъ изъ страны, политическій строй которой всего болѣе далекъ отъ Прудова идеала самоуправления.

Деспотизмъ и централизація въ Россіи не даютъ мѣстнымъ людямъ съ политическими наклонностями никакой школы, которая бы приучала ихъ подчинять инстинкты, порывы и страсти—разсужденію и системѣ. Отсюда прежде всего происходитъ у активныхъ русскихъ натуръ наклонность къ крайностямъ и затѣмъ противурѣчивость самимъ себѣ часто почти въ одно и то же время. Обращаясь къ политическимъ теоріямъ Бакунина, мы видимъ, что онъ въ сибирскій свой періодъ (см. письмо его, напечатанное въ 54 и 55 №№ „В. Слова“) симпатизируетъ „желѣзной диктатурѣ“ въ интересахъ крестьянъ и славянства, и даже недалеко отходитъ отъ этой теоріи въ брошюркѣ „Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ, или Пестель?“ (Лондонъ, 1862 г.). Немного спустя, Бакунинъ кидается въ полное отрицаніе всякой политической организаціи, называемой имъ государственностью, — сохраняя впрочемъ прежнее преклоненіе передъ желѣзной диктатурой въ проведеніи въ устраиваемая имъ анархическія тайныя общества всемірной социальной революціи принципа тайной диктатуры, какъ это доказано въ изданной противъ него партіей К. Маркса въ Интернаціоналѣ, впрочемъ, мѣстами пристрастной, брошюрѣ, — *L'Alliance de la démocratie socialiste etc.* (Londres 1873) **). Бакунинъ превратилъ

*) Пишущій это имѣлъ уже случай замѣтить, какъ мало оставили по себѣ слѣдовъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ федеративныя и антиобрустительныя идеи Бакунина («Историческая Польша и Велико-русская демократія»). А между тѣмъ руссофильское народничество Б—на, въ родѣ возведенія Ст. Разина, Пугачева и даже современныхъ русскихъ разбойниковъ въ социальные революционеры, которые даже будто бы получше понимали дѣло, чѣмъ С. Симоны и Луи Бланъ, и анти-культурныя выходки его противъ «буржуазно-казенныхъ» наукъ и школъ пустили по себѣ глубокіе и гибельные корни въ Россіи и высказывались даже его соперниками (см. «Впередъ», т. I, о Пугачевѣ, или финалъ «Хитрой Механики» о школахъ). О послѣднемъ мы говорили между прочимъ въ «Громадѣ», т. IV, 203—212. Указаніе это мы считаемъ нужнымъ сдѣлать въ виду тѣхъ рецензентовъ-исказителей нашихъ статей «Историческая Польша» и пр., которые приписываютъ намъ «поклоненіе Бакунину»,—тогда какъ мы только отдаемъ ему должное.

**) Оригинальный отголосокъ прежняго предпочтенія самодержавія парламентаризму сохранился у Бакунина въ его анархическій періодъ въ запискахъ, которыя были очень въ ходу у русскихъ революционеров до недавняго времени, напр., что «конституціонный или даже республиканскій либерализмъ, пожалуй, еще болѣе пагубенъ для народа, чѣмъ даже настоящее чиновничье управленіе» («Постановка революціоннаго вопроса»). Кстати будетъ

Прудову анархически-федеративную теорію въ какой то социально-революціонный буддизмъ и, пуская въ ходъ приемы своей старинной гегеліанской аргументаціи, придавалъ ей какой то мифологическій характеръ въ русско раскольническомъ духѣ.

У него три гегеліанскія категоріи: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, представлялись въ видѣ трехъ совершенно отдѣльныхъ реальныхъ явленій, олицетвореніе которыхъ, право, напоминаетъ раскольническое превращеніе идеи объ аллилуйя—въ „Аллилуйю жену милосердную“. По Бакунину, существующій положительный порядокъ сначала долженъ быть отвергнутъ и весь разрушенъ, а какъ „полное разрушеніе не совмѣстимо съ созиданіемъ и потому должно быть исключительно, абсолютно, едино“, — то „данное поколѣніе должно разрушить все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ—„скорѣе и больше!“ Для разрушенія всего болѣе пригодна „революціонная страсть и даже всѣ такъ называемыя теперь дурныя страсти“. Иногда Бакунинъ, впрочемъ, пускался въ изложеніе положительныхъ плановъ организаціи революціонной и послѣ-революціонной, — но эти планы рисовались ему такъ сбивчиво, что его противники замѣчали ему, что онъ въ сущности возстановляетъ разрушенное же, или же ничего не возстановляетъ, или доходитъ до абсурдовъ въ родѣ *les barricades en permanence!* Во всякомъ случаѣ надежды, которыя подавалъ Б—нъ на то, какъ вырастетъ новый порядокъ послѣ всеобщаго разрушенія изъ „аморфизма“, — отличаются крайне мистической, истинно буддійскою неясностью, превосходящей даже фразеологию московскихъ славянофиловъ, которыхъ вообще Б—нъ и русскіе революционеры-народники очень часто напоминаютъ. Проповѣдникъ ан-архій, т. е. прежде всего, казалось бы, личной свободы, повелѣвалъ своимъ ученикамъ отказаться „отъ личной инициативы и подчиниться коллективной мысли народа и его непосредственному вдохновенію, — принять душу народную, утопиться въ народѣ, не хлопоча о наукѣ, которой ихъ“ будто бы „хотятъ связать и обезсилить, и которая должна погибнуть вмѣстѣ съ старымъ міромъ. Наука же новая (т. е., значить, и мысль о новой общественной организаціи) народится (какъ то) потомъ послѣ побѣды народа, изъ освобожденной жизни народа“. (См., кромѣ назв., „Начала революціи, Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи, Наука и насущное рев. дѣло, Всевѣстный рев. союзъ соц. демократіи“, а равно выдержки изъ рѣчей и писемъ въ брошюрѣ *L'Alliance de la démocratie socialiste* и проч.; см. также „Къ русскимъ революционерамъ, № 1, изд. Рев. общины русскихъ анархистовъ“, —компиляцію прокламацій Б—на и тайной программы Аллилуйя).

Если своею энергіей и ораторскимъ талантомъ, что одинъ изъ близкихъ къ Б—ну людей любилъ повторять фразу, по всей вѣроятности принадлежащую учителю: «демократія—худшая изъ всѣхъ краіи».

лантомъ Б—нъ много способствовалъ распространенію въ разныхъ странахъ Европы общихъ формулъ социализма, то несомнѣнно, что вышеочерченной формулировкой анархизма, а также русскими антикультурными къ ней примѣсами, въ родѣ осужденія науки и идеализаціи разбойниковъ, онъ внесъ большую смуту въ умъ европейскихъ социалистовъ и сильно помѣшалъ организаціи рабочаго движенія въ тѣхъ странахъ, на которыя онъ имѣлъ особенное вліяніе, а именно въ странахъ романскихъ *). Всѣ же разрушительные планы Б—на разбились здѣсь именно о самоуправленіе, какъ бы оно ни было не совершенно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ. Для доказательства сказаннаго пришлось бы писать особую статью, да и не одну,—но мы ограничимся только самымъ бѣглымъ обзоромъ вліянія идей Б—на и его русскихъ послѣдователей на социальное движеніе въ Швейцаріи, гдѣ они нашли себѣ поле сѣянія преимущественно въ такъ называемой Юрской федераціи, т. е. союзѣ социалистическихъ кружковъ въ населеніи городковъ по Юрѣ.

Въ Швейцаріи пропаганда социализма началась еще съ 1848 г. Полная свобода сходовъ и обществъ давала для этой пропаганды большой просторъ, а значительное количество рабочихъ товариществъ всякаго рода—представляло для нея естественную почву. Существованіе во многихъ мѣстахъ общиннаго и кантональнаго землевладѣнія и развитіе мелкой собственности, при самоуправленіи общинъ и кантоновъ, указывало на необходимость и возможность практическихъ опытовъ социализма въ формѣ мюлюэлизма. Уже передъ появленіемъ Интернаціонала въ Швейцаріи насчитывалось не мало социалистическихъ обществъ, а еще болѣе многочисленны были здѣсь кадры для образованія большой рабочей партіи. При вѣсти объ Интернаціоналѣ, котораго первые конгрессы (1866—1867) собирались въ Женевѣ и Лозаннѣ, многія швейцарскія общества рабочихъ заявили желаніе присоединиться къ нему. Но вотъ въ 1868 г. появляется въ Швейцаріи Интернаціоналъ въ Интернаціоналѣ, — *Alliance de la démocratie socialiste*, — основанная Бакунинымъ и меньшинствомъ, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Лиги Мира и Свободы (забвѣтъ, все люди свободныхъ профессій), — въ двухъ видахъ: явномъ, федеральномъ, и тайномъ, диктаторіальномъ, и навиваетъ подчинять своему вліянію швейцарскія рабочія общества, почти исключительно.

*) Едва ли тоже не за русскія національныя черты слѣдуетъ считать и тотъ безмѣрный духъ личнаго самолюбія, поклоненія авторитетамъ и потогъ испроверженія ихъ, личной и кружковой мелочности и интригантства, наконецъ, драчливости, — чѣмъ всѣмъ отличалась русская эмиграція въ Швейцаріи, какъ сторонники, такъ и противники анархизма, и что все вносило большую смуту въ ряды интернационалистовъ въ Швейцаріи, среди которыхъ русскіе благодаря ихъ горячности, извѣстному образованію и литературности, заняли видное мѣсто, и что все, наконецъ, сильно опротивило работникамъ-швейцарцамъ и оттолкнуло ихъ отъ Интернаціонала. Замѣтимъ, что даже всѣ эти клички: «бакунисты», «тупицы», «лавренты» и т. п. ужасно напоминаютъ: «филлоновъ», «оедосѣвцевъ», «акулиновцевъ» и т. д.

зпрочемъ, въ романской Швейцаріи. Аллпнсъ начинаетъ проводить среди рабочихъ свою теорію социальной революціи, гачинаемой съ уничтоженія государствъ *), —выставляя, впрочемъ, изложенную выше теорію аморфизма не сразу, а въ издѣстной постепенности. Такъ какъ въ Швейцаріи, по многимъ причинамъ, между прочимъ и вслѣдствіе тамошней широкій свободы и самоуправленія, бакунистамъ трудновато было пустить въ практику попытки разрушенія государства посредствомъ возстанія (интересно, что Женевскій комитетъ отправилъ въ 1868 г. оставленную Бакунинымъ прокламацію рабочимъ въ Испаніи, въ которой горорилъ: „Испанскіе братья, сдѣлайте социальную революцію; начните сегодня, а вы сдѣлаемъ ее завтра“), то здѣсь налегли а другой способъ уничтоженія государства, въполнѣ отвѣчающій русскому расловичьему „бѣгунству отъ Антихристова арства“: на воздержаніе отъ всякаго частія въ политической жизни своей страны и ея представительныхъ собраний, канональных и даже коммунальных **).

Это воздержаніе тоже возводятъ къ Прудону, который дѣйствительно посовѣтовалъ французской демократіи во время выборовъ 1863 г. воздержаніе въ видѣ одачи бѣлыхъ бюллетеней, потому что аходилъ условія выборовъ, установленныя онапартовскимъ правительствомъ, невозможными для демократіи, — между прочимъ, по отсутствію свободы печати, стественныхъ округовъ, свободныхъ комунъ, провинцій и т. п. (См. Oeuvres complètes, XVI, Les démocrates assermentés et les éfactaires), но никогда не думалъ проповѣдывать воздержаніе отъ политики, какъ общій принципъ. Бакунины еще въ 1868 г. исаль въ парижскомъ журналѣ «La Démocratie», что „политическое воздержаніе стъ глупость, выдуманная плутами для бмана идіотовъ“, —но скоро потомъ сдѣался горячимъ проповѣдникомъ этого воздержанія. Неудачи въ избирательной каманіи, какія потерпѣли малоочитные еще нтернационалисты въ Юрѣ и въ Женевѣ въ 1868—1869 гг. и которыхъ причины линно было бы разбирать здѣсь, пригоовили поле для этой проповѣди, которая кончательно довела швейцарскихъ социалистовъ до раздѣленія и ссоръ и сильно пособствовала распаденію швейцарскихъ екцій Интернационала***). Правда, на перыхъ порахъ бакунисты (на Конгрессѣ Романскомъ 1870 г., на которомъ соверилось окончательное распаденіе швейцарскаго Интернационала) порѣшили, вмѣсто частія въ политикѣ кантоновъ и коммунъ, аняться организаціей федераціи союзовъ ремесленныхъ (corps de métiers), но такъ

какъ съ ихъ радикальѣйшей точки зрѣнія всѣ мелкія, будничныя дѣла, которыми обыкновенно занимаются эти союзы (кооперация, кассы сопротивленія, профессиональное образованіе и проч.), вздоръ, при ожиданіи всеобщаго разрушенія существующаго строя, — то понятно, что и это намѣреніе осталось на бумагѣ. Въ странѣ самоуправленія и почти ежегоднаго дѣйствія поголовной подачи голосовъ, анархисты-абстенціонисты скоро обратились въ маленькую секту своего рода столпниковъ, которыхъ даже существованіе масса рабочихъ постепенно стала забывать.

Между тѣмъ генеральный штабъ секты долженъ же былъ чѣмъ нибудь себя проявлять, особенно самъ неусыпный его вдохновитель. Рядомъ съ теоріей невмѣшательства въ политику — создавалась теорія „пропаганды дѣйствіемъ“, — конечно, въ духѣ разрушенія. Особенно ярко эта теорія излагалась на русскомъ языкѣ. Въ листкахъ „Народной Расправы“, изданныхъ Бакунинымъ и Нечаевымъ, высказывались такія положенія: „мы не вѣримъ болѣе въ слова. Слово имѣетъ для насъ вѣсъ только, когда за нимъ слѣдуетъ дѣло; но не все то дѣло, что носитъ это имя. Напримѣръ организація безъ внѣшнихъ проявленій есть ничто иное, какъ смѣшная и невыносимая дѣтская игра. Мы называемъ внѣшнимъ проявленіемъ только рядъ актовъ, разрушающихъ положительно что нибудь, личность или вещь, преграду, мѣшающую освобожденію народа...“ *). Въ Швейцаріи не находили мѣста для такихъ „внѣшнихъ проявленій дѣла“, а потому тамошніе анархисты обратили свои взоры за-границу, — гдѣ кстати вспыхнула франко-прусская война. Послѣ 4 сентября юрцы попробовали вербовать фран-тирровъ для Франціи (вещь въ сущности совершенно политическая!), —но когда федеральное правительство запретило исполненіе этого плана позаконамъ нейтралитета, — то, конечно, юрцы и остались при намѣреніи. Вскорѣ затѣмъ самъ Бакунины съ нѣкоторыми французскими друзьями явился въ Лионъ и издалъ декретъ, помѣченный République française, Fédération révolutionnaire des communes, — котораго первый параграфъ гласилъ: „административная и правительственная машина — государства, сдѣлавшаяся безсильною, — упраздняется“, — но горсть солдатъ, слугъ этой машины, явившаяся въ Hôtel de Ville Лиона, заставила авторовъ декрета бѣжать изъ города. Такъ же кончились и двѣ послѣдующія (1874 и 1877 гг.) попытки „дѣла“ въ Италіи, гдѣ социалистическая пропаганда тогда почти совсѣмъ было не коснулась рабочихъ и держалась преимущественно среди людей, которыхъ самъ Бакунины называлъ — „молодежь буржуазная, но горячая, tout-à-fait déplacée, sans carrière, sans issue“ **). Въ Швейцаріи припились за „дѣ-

ло“ только въ 1877 г., но здѣсь „дѣло“ ограничилось попыткой пройти, на зло бернцамъ, по ихъ городу съ краснымъ знаменемъ 18 марта, въ годовщину Парижской Коммуны. Это дѣло, — въ которомъ не только абстрактное право, но и теоретическая легальность были, конечно, на сторонѣ манифестантовъ, но въ которомъ они оказались въ противурѣчій съ вкусами жителей автономной коммуны Берна и съ распоряженіями кантональных властей, думавшихъ предупредить повтореніе случившейся въ предидущемъ году по подобному же поводу уличной драки между бернцами и пріѣзжими интернационалистами, — кончилось дракой между носителями неприятнаго „бернскимъ медвѣдямъ“ знамени и полиціей *).

За дракой послѣдовали судебные приговоры, между прочимъ, разорившіе наиболѣе усерднаго послѣдователя Бакунина, Дж. Гильома, редактора Bulletin de la Fédération Jurassienne. Бюллетень прекратился, — а Гильомъ уѣхалъ изъ отечества и совершенно удалился отъ публичныхъ дѣлъ.

Гильомъ началъ рядъ бѣгствъ изъ бакунино-юрскаго анархизма; спустя извѣстное время, за нимъ послѣдовали французы: Гэдъ, перешедшій въ марксизмъ и недавно ставившій свою кандидатуру въ палату, Б. Малонъ, и Бруссъ, приставшіе къ болѣе федеральной, но все же политически-активной „рабочей партіи“, которая приняла въ себя многихъ анархистовъ по Прудону; итальянцы: Коста, теперь депутатъ, выбранный коалиціей социалистовъ и радикаловъ, а, наконецъ, и Кафьеро, долѣе всѣхъ остававшійся вѣрнымъ юрскому бѣгунству и бунтарству.

Между тѣмъ отечество Бакунина повлияло на европейскій западъ новыми порожденіями своей жизни. Политическій деспотизмъ русскаго правительства, въ своемъ родѣ столь же невыносимый, какъ и ирландская аграрная система, породилъ въ Россіи цѣлый рядъ убійствъ, которыхъ нѣкоторые русскіе стали было возводить въ теорію новаго способа социально-политической борьбы **).

И факты, экспериментовъ такого рода и повела за собою «полный разрывъ» съ его единомышленниками, «rupture complète», какъ отмѣтилъ Б.—нъ въ своемъ дневникѣ. Одному изъ главныхъ организаторовъ попытки вскорѣ за тѣмъ Б.—нъ писалъ: «Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ... хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушенія непереносимаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу» — и дальше говорилъ знаменательныя слова, которыя частію уже были приведены въ («Вольн. Сл.» № 26): «Пойми же наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живаго, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность должна искать опоры не въ подлыхъ и въ низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, челоѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ». Эти слова — знаменуютъ полное отреченіе Б.—на отъ «разрушительныхъ» прокламацій 1869 — 1870 гг. Недолго спустя, Б.—нъ умеръ, въ 1876 г.

*) Замѣтимъ, что годъ передъ тѣмъ судъ обвинилъ бернскихъ драчуновъ, кинувшихся на красное знамя.

**) Отъ этой теоріи, высказанной, между прочимъ, въ брошюрахъ гг. Тарновскаго и Морозова, а раньше въ письмахъ, читанныхъ на процессѣ

*) Т. е., въ крайнемъ случаѣ, съ конца!

**) За подробностями отсылаемъ любознательныхъ къ книгѣ Test n t — Livre bleu de l'Internationale, въ упомянутой уже брошюрѣ L'Alliance de la démocratie socialiste и къ Mémoire présenté par laédération jurassienne etc. 1873.

***) Замѣтимъ, что особеннымъ усердіемъ въ пользу «воздержанія» отличались ораторы и публицисты русскіе и французскіе, которые, какъ эмигранты въ Швейцаріи, были уже абстенціонисты по-натурѣ.

*) Не имѣя русскаго оригинала, переводимъ съ французскаго перевода въ брошюрѣ L'Alliance и проч.

**) Первая попытка, въ которой участвовалъ и Бакунины, рѣшительно разочаровала его насчетъ

и теория этого русского терроризма нашли себя отголосокъ въ другихъ странахъ материка Европы, въ покушеніяхъ Геделя и Нобилинга, Пассанапте. Первые два покушенія дали поводъ Бисмарку навязать германскому парламенту законъ противъ социалистовъ. Этотъ законъ оказался особенно на руку тѣмъ социалистамъ, которые относились отрицательно къ участию рабочихъ въ политической жизни, между прочимъ, и сторонникамъ „пропаганды дѣйствіемъ“ (par les faits) или „парлефетизма“, и привлекъ на ихъ сторону часть изъ германскихъ социалистовъ, вынужденныхъ эмигрировать, — Мосста и др. Въ Швейцаріи журналъ „l'Avant-garde“, замѣнявшій „Bulletin de la Féd. Ju-assienne“, написалъ нѣсколько замѣтокъ въ пользу царевубійствъ, хотя здѣсь еще меньше, чѣмъ въ Германіи или Италіи, можно было понять значеніе царевубійствъ для рабочаго вопроса. Впрочемъ, авторомъ статей „l'Avant-garde“, вызвавшихъ судебное преслѣдованіе, оказался не швейцарецъ и не рабочій, — а французъ, медикъ Бруссъ, который затѣмъ, по отбытіи судебного процесса и ареста, возвратился во Францію, гдѣ, какъ сказано выше, и отдѣлился отъ новой анархической партіи.

Мѣсто „l'Avant-garde“ въ Швейцаріи занялъ „le Révolté“, который сталъ вести пропаганду въ пользу новаго анархизма съ болѣею ловкостью, чѣмъ „l'Avant-garde“, и даже съ достаточной хитростью: излагая по своему антигосударственный доктрины, онъ избѣгалъ высказывать общія положенія террористическаго ученія; называлъ русскихъ террористовъ своими друзьями, но скрывалъ отъ своей публики, что они вовсе не анархисты и не абстенционисты, а „государственники“ и „политики“ *). Во всякомъ случаѣ, если эта ловкость приемовъ помогала „Révolté“ избѣгать судебныхъ преслѣдованій, то вся совокупность его содержанія вовсе не приобрѣла ему сторонниковъ въ Швейцаріи. Съ тѣхъ поръ, какъ руководство соц. движеніемъ въ романской Швейцаріи перешло къ „Révolté“, не только новая анархія, но даже всякое социалистическое движеніе, не только въ Женевѣ, но и въ Юрѣ, совсѣмъ замерло, и послѣдніе конгрессы юрской федерации можно считать собраніями нѣсколькихъ пріятелей-отшельниковъ, отпавшихъ отъ обязательнаго обряда, неинтереснаго даже и самимъ отшельни-

нѣсколькихъ русскихъ эмигрантовъ въ Берлинѣ и оказавшихъ очень большую услугу Бисмарку, — русскіе террористы «народновольцы» отреклись потомъ въ рѣчахъ Желябова и Суханова и въ заявленіи по поводу смерти Гарфильда, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

*) Также точно скрылъ „Révolté“ отъ европейскіхъ единомышленниковъ, что въ чигиринскомъ дѣлѣ русскіе парлефетисты, бунгары, дѣйствовали отъ имени царя. Впрочемъ, этого не сообщалъ европейской публики даже авторъ интересной книги La Russie Sotterane, редакторъ „Земли и Воли“, не смотря на то, что чигиринское самозванство было раскрыто въ этой газетѣ, какъ chef d'oeuvre народничества, въ статьѣ, сильно напоминающей очерченныя выше бакунинскія прокламаціи. Замѣтимъ однако, что обманъ народа самъ В.—нѣ печально осудилъ. („Госуд. и Анархія“, приб. А, стр. 13).

камъ (См. отчетъ въ „Вольномъ Словѣ“, № 42: „Два конгресса“). Теперь въ Швейцаріи социализмъ, — несомнѣнно зарѣзанный здѣсь иностранцами, — русскими и французами, воспитывавшимися при порядкахъ столь несходныхъ съ швейцарскимъ самоуправленіемъ, ждетъ себя болѣе подходящихъ къ мѣстной жизни организаторовъ! Парлефетизма же, а особенно терроризма на дѣлѣ, тутъ нѣтъ и признаковъ.

Новый, террористическій анархизмъ нашелъ себя гораздо болѣе adeptовъ во Франціи, гдѣ, особенно въ 1880 г., цѣлый рядъ журналовъ и ораторовъ на сходкахъ сталъ восхвалять русскихъ „нигилистовъ“ и террористовъ, ставя ихъ какъ примѣръ социальнымъ революціонерамъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но замѣчательны при этомъ два обстоятельства: первое, что между этими французскими террористами значительный процентъ составили вовсе не анархисты школы Прудона, а именно adepts противниковъ послѣдняго: социалистическіе, а часто и просто политическіе якобинцы, — собственно сторонники конспираціонной и революціонной диктатуры, — а второе, что здѣсь въ числѣ самыхъ горячихъ восхвалителей „русскихъ нигилистовъ“ и „пропаганды динамитомъ“ оказались прямые агенты провокаторы (см., напр., разоблаченія Рошфора относительно состава редакціи „La Révolution Sociale“, — изъ которой нишунцій это самъ получилъ послѣ 1/13 марта 1881 г. привѣтствіе для „русскихъ нигилистовъ“, — и данныя лионскаго процесса).

Долго французскій терроризмъ оставался на словахъ, но, наконецъ, въ прошломъ году послѣдовали взрывы въ Монсо-ле-Минь и въ Лионѣ и въ послѣднемъ неслыханный взрывъ въ кафѣ Белькуръ, столь возмутившій общественное мнѣніе во всемъ мірѣ и, — характерно! — прославленный только въ русской женевской газетѣ „Правда“, отъ которой отреклась русская эмиграція въ Женевѣ *). Взрывы эти были главнымъ поводомъ къ недавнему лионскому процессу такъ называемыхъ анархистовъ, въ которомъ участвовали и русскій, князь Крапоткинъ. И что же? Процессъ этотъ показалъ, что даже въ странѣ съ столь еще несовершеннымъ самоуправленіемъ, какъ Франція, — существованіе динамитно-анархической партіи невозможно.

Подсудимые представили коллективную декларацию, которая была отпечатана журналами всего цивилизованнаго міра (мы жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести ее здѣсь). Въ рѣчахъ своихъ и въ декларациі этой они заявили себя социалистами и анархистами. Но собственно въ декларациі социализма почти совсѣмъ не видно, такъ какъ въ

*) Небезынтересно будетъ замѣтить, что русскіе эмигранты въ Женевѣ собирались заявить свое несочувствіе и фактамъ взрывовъ во Франціи, причемъ въ пользу подобнаго заявленія высказывались наиболѣе извѣстные между этими эмигрантами. Дѣло остановилось гораздо болѣе вслѣдствіе извѣстной русской мѣщковости, чѣмъ вслѣдствіе принципиальнаго разногласія.

ней совсѣмъ не развиты мысли объ экономической организациі, — какъ это хорошо показали нѣмецкія социалистическія газеты. Больше всего налегали декларации на политическую сторону своего ученія, — выставя себя сторонниками безграничной свободы для каждаго, — хотя опять тѣмъ формъ общественной жизни, основанной на этой свободѣ, не начертали. Во всякомъ случаѣ весь ихъ анархизмъ не представляетъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ какое ученіе о свободѣ, братствѣ, любви къ ближнему и т. п. Многие изъ подсудимыхъ называли себя революціонерами, говорили даже о предстоящей въ близкомъ будущемъ (по кн. Крапоткину, черезъ 10 лѣтъ) общей соц. революціи, — но они не провозгласили въ коллективной декларациі ученія о правѣ всякаго лица или меньшинства на вооруженное нападеніе на существующій политическій и социальный строй, признанный большинствомъ, — а только такое ученіе и заключаетъ въ себѣ что либо опасное для цивилизованнаго общества (конечно, такого, въ которомъ существуетъ извѣстный просторъ для мирнаго дѣйствія къ измѣненію общественнаго строя). Затѣмъ ни одинъ изъ подсудимыхъ не оказался фактически прикосновеннымъ къ происшедшимъ въ Франціи взрывамъ, каковы бы ни были тѣ или другія фразы, сказанныя ими либо изъ нихъ въ журналѣ, на сходкѣ или въ кружкѣ, — и никто изъ нихъ передъ судомъ не высказался въ пользу такихъ проявленій парлефетизма, какъ убійства, взрывы и т. п. *) И лионскіе подсудимые оказались такъ мало террористами вовсе не по трусости, какъ кажется нѣкоторымъ, которые сами не стояли съ ними передъ судомъ, — а просто потому, что они люди, въ которыхъ страсть не ослѣпила здраваго разума. Допустивъ даже, что лионскіе подсудимые дѣйствительно были неискренны, то и тогда остается чрезвычайно важнымъ то, что, въ виду цѣлаго общества, ни одинъ изъ нихъ не считъ возможнымъ провозгласить теорію социалистическо-анархическаго терроризма.

Одно дѣло страстное, моментальное и личное раздраженіе и другое — общаго теорія, складываемая болѣе или менѣе холоднымъ размышленіемъ. Совершенно естественно, если раздраженный представитель крайняго политическаго или экономическаго гнета индивидуумъ увидитъ этого представителя, особенно таковаго, который непосредственно его давитъ. Каждый мыслящій человѣкъ проститъ

*) Одинъ же изъ самыхъ видныхъ подсудимыхъ котораго называли «отцомъ анархизма» и который самъ отказывался отъ этой чести въ пользу Прудона и Бакунина, — кн. Крапоткинъ, о теоретическихъ идеяхъ котораго было столько разговоровъ въ консервативныхъ и социалистическихъ кругахъ, — на процессѣ съ истинно христианскимъ незлобіемъ приглашалъ даже буржуазныхъ судей изучать вмѣстѣ съ нимъ социальный вопросъ, чтобы убѣдиться въ необходимости социальнаго переворота, и сказалъ въ заключеніе, что: «если бы я могъ (такими средствами) предупредить пролитіе нѣсколькихъ капель крови, — ахъ! я могъ бы умереть въ глубинѣ тюрьмы, умереть добровольнымъ!»

ой поступокъ, или найдетъ для него смягчающія обстоятельства, — если онъ ризванъ быть судьей поступка, и поставается устранить вызвавшія поступокъ причины, — если онъ политическій дѣль. Совершенно понятно, если въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ и въ западной Европѣ ходятъ и разсужденія въ такомъ родѣ: капиталистъ обкрадываетъ меня ежедневно на рабочей платѣ, биваетъ меня и семью мою медленно и постепенно обкрадываніемъ и непосильною работою, — такъ и я тѣмъ болѣе имѣю право „свое отобрать“ у него, или разушить — это „мое“, — его юридическую общественность, или убить сразу моего медленнаго убійцу и т. п., и т. п. Такое разсужденіе даже совершенно вѣрно, — какъ индивидуальное соображеніе; — оно только овно никому не годится, какъ социальная дѣя, — ибо социальною идея становится только тогда, когда она сохраняетъ смыслъ, и удачи приложена, какъ общее правило. Если же принять общимъ правиломъ, что всякій можетъ отнимать то, что ему кажется своимъ, и убивать всякаго, кто ему представляется его прямымъ или косвеннымъ убійцей, — тогда общество перестаетъ существовать. Индивидуально-насилованная расправа есть фактъ, съ котораго человѣчество начало и отъ котораго оно уходитъ постепенно къ высшему порядку — всеобщаго соглашенія. Вотъ почему человѣчество относится съ ужасомъ не только къ индивидуальной расправѣ, но и къ гражданской войнѣ (конечно, въ обществахъ, гдѣ есть какая либо свобода) даже начинаетъ ужасаться войны международной. Признаніе же правильнымъ приведеннаго соображенія было бы равносильно признанію войны каждая и всѣхъ противъ всѣхъ и каждого, — и сильношибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что та война осталась бы орудіемъ только одного общественного элемента, напр., пролетаріата, — а равно напрасно бы кто ждалъ, что сами сторонники этого пролетаріата не раздѣлились бы на враждебные лагеря, которые сами не начали бы ести взаимноистребительную войну. Въѣдъ прошлая исторія политическихъ убійствъ т. наз. „народныхъ расправъ“ научаеаь, что убіеніе „тирановъ и нечестивцевъ“, пороховые заговоры и адскія машины проповѣдывались и практиковались сакціонерами, напр., іезуитами, съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прогрессистами, и что прогрессисты временъ французской революціи, начавъ, во имя самодержавнаго народа, расправы съ врагами свободы, кончили взаимнымъ истребленіемъ. То же настало бы, если бы современныя общества приложили теорію расправы самодержавной личности къ широкимъ сложнымъ областямъ социально-экономическихъ отношеній и къ борьбѣ за ихъ преобразование?! Не остались ли бы въ накладъ именно сторонники пролетаріата и особенно проповѣдники автономіи личности, ан-архисты?

Въ настоящее время въ западно-европейскихъ странахъ, въ родѣ Франціи, всякое, даже открытое (честное) вооруженное

возстаніе съ социалистическими цѣлями было бы очень вредно для интересовъ пролетаріата, такъ какъ крестьяне еще вовсе не подготовлены къ идеаламъ коллективизма и приняли бы сторону, или такъ или иначе поддержали бы консерваторовъ и реакціонеровъ. Усвоеніе же социалистами программы динамитно-кинжальнаго парлефетизма и анархической расправы, — повело бы къ приложенію противъ нихъ такой государственной и волонтерской расправы, — при которой, благодаря теперешнему раздѣленію богатства и силы между разными общественными элементами, социалистамъ пришлось бы куда хуже, чѣмъ ихъ противникамъ.

Мы не станемъ, конечно, навязывать этихъ нашихъ соображеній лонскимъ подсудимымъ, — которые, быть можетъ, или даже навѣрно, отвергли бы всю нашу вышеизложенную аргументацію въ ея цѣломъ. Но нѣчто подобное ея сущности должно было представляться умамъ ихъ, когда они, излагая свои политико-соціальныя идеи, ограничились заявленіемъ своихъ общихъ гуманитарно-коллективистическихъ и либеральныхъ идей и воздержались отъ заявленія какихъ бы то ни было не только террористическихъ, но и сколько нибудь конкретныхъ революціонныхъ положеній, — каковое воздержаніе и служить намъ, въ числѣ другихъ аналогическихъ явленій, основаніемъ утверждать, что никакой партіи социалистическаго терроризма во Французской республикѣ теперь нѣтъ.

Конечно, у французовъ еще не исчезли привычки, развившіяся въ долгіе періоды всяческой диктатуры, а въ частности у французскихъ рабочихъ не прошло еще раздраженіе, оставленное бонапартовскимъ режимомъ и послѣдующимъ за нимъ усмиреніемъ парижской Коммуны; конечно, также, социально-экономическая эксплуатація и во Франціи способна вызывать частные случаи мести, въ которыхъ могутъ играть роль и динамитные картуши; наконецъ, и на французовъ должна вліять зараза ирландскаго и русскаго терроризма; но пока Франція не будетъ доведена въ націон.-соціальн. отношеніи до положенія Ирландіи, а въ политическомъ — Россіи, до тѣхъ поръ опасности образованія въ ней партіи систематическаго терроризма, динамитнаго парлефетизма и т. п. и не можетъ быть. Развѣт же политической свободы и самоуправления, все же подвигающееся впередъ въ послѣдніе годы во Франціи, даетъ здѣсь все болѣе естественныхъ кадровъ, въ которые законно укладывается движеніе къ экономической эмансипаціи пролетаріата. Не беремся предсказывать детали будущаго, но пока мы видимъ, что даже нынѣшнее, далеко не либеральное и не радикальное, министерство Французской республики, въ виду разнообразной агитаціи среди рабочаго класса (агитаціи, которая подробно разсматривается у насъ въ статьяхъ г. Жебунева), дѣлаетъ уступки требованіямъ организованныхъ рабочихъ группъ, по вопросу о рабочихъ син-

дикатахъ, о предоставленіи государствомъ и муниципіями подрядовъ рабочимъ ассоціаціямъ и т. п.

Какія же основанія имѣютъ извѣстные отечественные политическіе философы, реакціоннаго и социально-революціоннаго лагеря, говорить, будто Франція „русѣетъ“ въ ея политической системѣ и въ способахъ социалистической агитаціи и будто она доказываетъ несовмѣстимость политической свободы и самоуправления то съ земскимъ миромъ, то съ интересами пролетаріата??

М. Драгомановъ.

УНИЧТОЖЕНІЕ НОВО-АЛЕКСАНДРІЙСКАГО ИНСТИТУТА.

Намъ передано для напечатанія слѣдующее письмо бывш. студента Ново-Александрійскаго института:

«Институтъ нашъ закрытъ, и я, въ числѣ 19 человекъ, исключенъ (вѣроятно, безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія). Сообщаю вкратцѣ причины этого погрома. На дняхъ пріѣхалъ въ Ново-Алекс. попечитель Варшавскаго учебнаго округа и своимъ грубымъ обращеніемъ со студентами вызвалъ волненіе и недовольство среди послѣднихъ. Когда студенты собрались 4 (16) марта въ аудиторіи и попросили попечителя выслушать ихъ нужды (а ихъ за послѣднее, тяжелое время — не мало), то онъ сначала не соглашался, бесѣдовать съ нами, но, наконецъ, явился и вмѣсто того, чтобы выслушать насъ, сталъ орать и кричать на студентовъ, требуя немедленно разойтись. Студенты, съ своей стороны, отвѣтили шумомъ и свистомъ. На другой день, 5 (17) марта, вывѣшено было въ коридорѣ института объявленіе, что чтеніе лекцій прекращено и 19 студентовъ (слѣдуютъ фамиліи) исключены. Тогда рѣшено было потребовать объясненія, почему всѣ тяжесты «недоразумѣній» должна пасть только на 19 человекъ, тогда какъ участіе въ немъ приняли почти всѣ студенты; притомъ между исключенными оказались двое, вовсе не участвовавшие. Само собою разумѣется, что попечитель объясненія никакого не далъ и студентамъ къ себѣ не допустилъ. Тогда толпа студентовъ направилась ко входу въ аудиторію; послѣдніе оказались запертыми на ключъ. Дружнымъ напоромъ выломлены были двери, и студенты собрались съ цѣлью потребовать выдачи всѣмъ документовъ. Но вскорѣ явилось войско и студенты должны были оставить институтъ. 7 марта вывѣшено было новое объявленіе (о томъ), что институтъ закрытъ и всѣ студенты приглашаются взять свои документы; въ противномъ случаѣ они (документы) будутъ высланы чрезъ полицію. Намъ же, исключеннымъ, документовъ не выдали, а отправлены они къ соответственнымъ губернаторамъ чрезъ полицію. Кромѣ того насъ заставили выѣхать изъ города въ продолженіе 48 часовъ. Вотъ какимъ образомъ и, неожиданно-негаданно, выброшены, какъ говорится, за бортъ. Послѣ «прѣшества», устроенаго «властною» рукой, предстоитъ еще мнѣ и многимъ изъ насъ—десерть въ видѣ отбыванія воинской повинности, не успѣвъ воспользоваться льготой, даваемой окончаніемъ высшаго учебнаго заведенія».

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что закрытіе Ново-Александрійскаго института сопровождалось исключеніемъ 129 студентовъ, въ томъ числѣ 54 прямо безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія (остальныхъ все равно не пустятъ разными косвенными способами). Изъ корреспонденціи въ № 15 женева Przewsiwa узнаемъ, что осталось не исключенными только 14 человекъ!

Та же корреспонденція приписываетъ варшавскому попечителю заранѣе составленный умыселъ уничтожить институтъ, съ какою цѣлью онъ, — вообще, видно, человекъ гру-